

В ЖИЗНИ И НА СЦЕНЕ

П

олитический театр с его бро-ской плакатной прямолиней-ностью кажется сегодня из-житым как безнадежно устаревший художественный прием. Он настолько набил оскомину, что даже попытки совершенно иными средствами в открытую придать спектаклю оттенок политической злободневности, похоже, подсознательно вызывают у нас реакцию отторжения.

Взять хотя бы отклики критиков на "Женщину-змею" Гоцци, грузинского Театра Ш.Руставели. Рецензии, во всяком случае, те, которые попались на глаза

мне, дружно отдавали должное обаятельному существованию грузинских актеров в стихии комедии дель арте и столь же дружно обходили молчанием то, ради чего эта стихия была здесь сотворена. Ради размышлений о недавно обретенной независимости Грузии и грузинском национальном самосознании. Если это и поняли, то не оценили. Именно потому, что для нас театр как общественная трибуна — это уже пройденный этап, возвращаться к которому нет охоты.

А уж спектакль с темой, круто замешанной на политике и облеченной в откровенно публицистическую форму на нашей отечественной сцене, кажется сегодня просто немислимым.

Интересно, знала ли об этом Ариана Мнушкина, когда везла в Москву спектакль своего Театра дю Солей "И вдруг ночи стали бессонными"?

Сюжет укладывается в несколько фраз. Парижский театр дает приют тибетской делегации; ее отказалось принять французское правительство. Члены делегации рассказывают публике, только что увидевшей в этом театре выступление тибетских артистов, о пытках, казнях и прочих ужасах, которые творит Китай в оккупированном им Тибете. Зрители решают вместе с сотрудниками театра не уходить отсюда, чтобы не допустить отправки французских военных самолетов в Китай. За те дни и ночи, что они живут в театре бок о бок с тибетцами, актеры и зрители все больше проникаются симпатией к этому народу и интересом к его древней культуре. В театр отовсюду начинают поступать факсы с выражениями солидарности и денежные переводы.

Актеры, изображающие зрителей, сидят среди нас. Из разных мест зала театра Российской Армии слышатся обращенные к сцене вопросы, призывы, слова со-

чувствия, раздраженные выкрики. Полное ощущение, что мы и есть та публика, на которую неожиданно обрушились проблемы Тибета.

Мнушкина так искусно использует все возможности, открывающие ее замысел, что он сам по себе выглядит блестящей театральной находкой. В самом деле, тут есть внезапное столкновение с чужой бедой, которое показывает, кто каков и кто чего стоит. Есть ситуация повседневного быта восьмисот человек в совершенно непригодном помещении и хаотичных попыток их совместных действий. Все это рождает массу забавных моментов. Есть элемент эффектной экзотики: тибетские костюмы, ритуальные маски и танцы, и музыка, которая воспринимается как подлинно тибетская. То, что действие происходит в театре, позволяет режиссеру свободно вносить в него черточки обаятельно театральной экстравагантности. А то, что публику играет публика, и механизм этой игры изобретательно разработан во всех деталях, безошибочно провоцирует сопереживание и соучастие.

Можно подумать, что тема солидарности с Тибетом понадобилась режиссеру лишь как повод для создания эмоционального и увлекательного зрелища. Но вот программа "Бессонных ночей", изданная в Париже для французских зрителей. Это целая газета на восьми полосах, полностью посвященная Тибету: статьи о его природных особенностях, истории, искусстве, эссе на темы буддизма, политические документы, воззвания, адреса и телефоны организаций, выступающих в поддержку Тибета.

Что побудило Мнушкину сделать этот спектакль? Быть может, в первую очередь, именно ради ответа на этот вопрос добрых сотни полторы московских зрителей остались на встречу с режиссером, которая затянулась далеко за полночь. Отвечая на него, Мнушкина говорила о желании человека влиять на ход истории и о силе воздействия театра.

Она говорила, что ей давно хотелось сделать спектакль о Тибете. Идея приобрела конкретные очертания после того,

как ее театр устроил акцию протеста против выдворения из Франции беженцев-иностранцев. Довольная тем, как отнеслись к ее постановке москвичи, она сказала: "Я знаю, что сейчас происходит в России, и поэтому я сомневалась, что спектакль о Тибете будет вам интересен".

Скажем прямо, Тибет тут нас если и заинтересовал, так только с чисто этнографической точки зрения. Трудно представить, что кто-то всерьез озабочился его проблемами. И дело не только в том, что у нас сейчас своих сложностей хватает. Они, конечно же, есть и у французов, каким бы беспроблемным нам со стороны ни казалось их существование.

Дело, в первую очередь, в том, что рядовой француз, или, скажем, американец, в гораздо большей степени, чем мы, десятилетиями искусственно замкнутые в советской идеологической и политической скорлупе, чувствует принадлежность не только к собственной стране, но и ко всему миру. У нас ощущение этой принадлежности пока появляется только на самом поверхностном, потребительском уровне. От памперсов, пейджеров и поездов в Анталию до здорового космополитизма, способного отозваться даже на то, что происходит на другом конце земного шара, — дистанция огромного размера.

В свою способность влиять на ход истории мы в данный момент тоже меньше всего готовы поверить. Спектакль Мнушкиной увлек нас просто как талантливый театр.

Может ли у нас сегодня появиться спектакль, возникший из актуальных общественных событий? Думается, почему бы и нет. Только тут уж не политика, а именно театр будет целью, а политический материал — лишь средством для театра. При этом формы и жанры, наверное, могут быть самые разные. Пересмешники "Куклы" на НТВ — это ведь тоже театр. Хоть и кукольный, хоть и телевизионный.

Несколько лет назад, когда только началась война в Чечне, в московском театре "Эрмитаж" появился спектакль "Люди только мешают", посвященный композитору Владимиру Дашкевичу, из серии "Левые вечера в "Эрмитаже". Один из эпизодов этого спектакля, в исполнении Ирины Богдановой, был потрясающе выразительным театром, сделанным на языке Дашкевича из опубликованной в "Известиях" статьи "Самашкинские зачистки". Женщина в черном, с узелком в руках, с опустошенным, выжженным горем взглядом, частью пела, частью речитативом произносила газетные строки о том, что творили в чеченском селе Самашки российские солдаты в поисках боевиков.

Наверное, такое возможно только как редкие, единичные явления. Но ведь и во Франции спектакль Мнушкиной о Тибете — явление из ряда вон выходящее.

Марина БЛАГОНРАВОВА

Театр, политика и зритель

Экран и сцена. — 1998. — июль. — (№ 9). — С. 6, 7.